

Рано утром, когда за окнами еще было темно, Ромка, одетый в пушистую красно-зеленую пижаму, тихонько проскользнул в бабушкину спальню и сел на пол перед большим зеркалом, скрестив перед собой босые ноги. Справа от возникших зеркальных близнецов на полу поблескивал прямоугольник Софьиного ноутбука, соединенный с розеткой на стене белой змеей электрического шнура. Мальчик быстро придвинул его к себе, открыл и привычно заскользил пальчиками по клавиатуре. Казалось, что сам компьютер был продолжением мальчишки, сросшегося с электронным другом каждой клеточкой своего тела, не чувствующего границы между ним и собой. Ребенок и компьютер как будто в любой момент могли просто уйти поиграть в иной мир, где разница между ними не будет мешать их дружбе.

— Тью, — прокурлыкал ноутбук, свидетельствуя, что написанное Ромкой письмо улетело в сеть Интернета.

— Бом-бом-бом... — тут же, как будто разбуженные звуком отправленной почты, подхватили часы.

Мальчишка быстро захлопнул мерцающую книжицу компьютера и начал уже строить страшные рожицы перед зеркалом, когда раздался спокойный женский голос:

— Доброе утро, моя радость, кому это ты в такую рань, в субботу, решил отправить письмо, да еще сидя перед зеркалом?

— Понимаешь, башка! — Это означало явно сокращенное слово, то ли «бабушка», то ли «подожди немножко», поскольку и то и другое было слишком длинно для восьмилетнего сорванца. — Я хочу понять технологию

получения Санта-Клаусом информации о пожеланиях детей и взрослых в Рождество.

— Очень интересно, дорогой мой внук, а как ты это собираешься сделать? — совсем уже проснувшись голосом спросила Софья и села в кровати, включив настольную лампу.

— Вначале я наблюдал и слушал, потом изучал Интернет, мультики и сказки о том, как дети свои записки с пожеланиями для Санта-Клауса кладут в носки и вешают у камина, или помещают под рождественскую елку, или отдают одному из многочисленных Санта в магазинах, на праздниках, или очень-очень сильно чего-нибудь хотят и представляют это у себя в голове или во сне. Потом я решил найти, что общего есть и в магазине, и в комнате, и на празднике. И я нашел, башка, нашел! — быстро и радостно тараторил мальчик, стараясь убедить бабушку в том, что он во всем разобрался правильно. — Ну, во-первых, это время, когда сказка может жить долго...

— Подожди, подожди, любимый, как это — время, когда сказка может жить долго? А что, сказка живет по-разному? — удивленно спросила Софья, которая совсем не походила на бабушку. Это была женщина средних лет, и сейчас она заплетала длинные светло-русые волосы в косу.

— Конечно, ба, сказка живет ночью, в отраженном лунном свете, когда горят огни, костры, лампы, свечи, когда солнце спит. Кто рассказывает днем сказки? Когда солнце светит, я иду в школу, ты на работу, все заняты. Солнышко заставляет всех нас трудиться. Какие могут быть тут сказки, — очень серьезно начал объяснять мальчик, перебираясь с пола в удобное кресло и при-

жимая к себе мягкое старенькое потрепанное одеяльце.

— Вот это, башка, мое детское одеяльце, и ты, и я видим это, потому что утро и взошло солнышко, а ночью, когда я обнимаю его — я уверен, что это сильный и добрый сказочный рыцарь, который меня защищает и ловит для меня цветные сны, и зовут его Тиколя.

Теперь ты поняла, ба, что сказка может жить долго только тогда, когда день очень короткий, а ночь очень длинная, поэтому Санта приходит к нам в конце-начале года, — втолковывал бабушке, как маленькой, терпеливо внук. — Подожди, башка, я сейчас сбегаяю нам за соком и расскажу дальше.

Мальчишка вихрем умчался на кухню, откуда донесся звук открываемой дверцы холодильника и звон стекла. Через минуту внук опять сидел в кресле, а на бабушкиной прикроватной тумбочке стоял стакан с апельсиновым соком.

— Пей, родная, пей, набирайся сил! — приговаривал мальчик.

— Что-то ты, внук, какой-то очень уж заботливый сегодня, — подозрительно проговорила Софья.

— Понимаешь, ба, сегодня самый короткий день, и я хочу провести свой эксперимент, а для этого нам надо поехать в парк, где стоит огромный зеркальный боб, там мы сможем найти самого главного Санта-Клауса, а не его голограмму, — убеждал Ромка бабушку, умоляюще сложив перед грудью руки лодочкой. — Ну, пожалуйста, Софья, ты же моя самая лучшая бабушка на свете!

— Ты имеешь ввиду памятник «Облачные врата» в Миллениум-парке в центре Чикаго, который так сильно испугал тебя два года тому назад? — удивленно спроси-

ла женщина, каждый раз поража-
ясь способности мальчика помнить
все и возвращаться к своим
воспоминаниям в самый неожиданный момент, устанавливая
какие-то только ему одному
понятные и видимые связи между
вещами и событиями.

Софья прекрасно помнила,
как позапрошлым летом Ромка
напросился покататься и поиг-
рать с детьми в таком большом
фонтане в Миллениум-парке, где
струи воды били прямо из разно-
цветных тротуарных плит, между
которыми бегали друг за другом
дети, разглядывая на специальных
пятиметровых экранах свои смею-
щиеся рожицы, помещенные туда,
под слой льющейся воды, невиди-
мым оператором.

Направляясь кратчайшим
путем к фонтану, они должны
были пройти мимо огромного,
величиной с двухэтажный дом
зеркального боба, в искривленной
поверхности которого отража-
лись, причудливо меняя форму,
небоскребы, люди, деревья и ма-
шины. И тут, метров двадцать не
дойдя до этого странного со-
оружения, Ромка сел на троту-
ар и расплакался:

— Не пойду к зеркальному чуди-
щу, не хочу жить внутри него! Он
поймает мои мечты и не отпустит!

— Не бойся, дорогой, это
просто скульптура. Ее создал
индийский архитектор Аниш Ка-
пур в 2006 году в виде огромной
капли ртути и назвал «Облачные
врата», — пыталась тогда успо-
коить шестилетнего мальчугана
Софья.

— Башка, как ты не понима-
ешь, это врата замка огромного
чудища, которое заманивает туда
облака, а облака — это мечты
Земли, но Земля очень-очень
сильная и навоображает себе
много-много другого, а я ма-
ленький и слабый и должен свои
мечты беречь. Не хочу я отдавать
их этому чудищу. Давай пой-

дем к фонтану другой дорогой. —
Страх маленького мудреца тогда
поразил Софью, вспомнившую,
как она в его же возрасте или
чуть постарше ловила обла-
ка в тазике с водой. Смотрела на
зеркальную гладь — и воздуш-
ные барашки представлялись ей
совсем близко, их можно было
разглядывать, не щуря глаза от
ярких солнечных лучей, и даже
потрогать рукой, изменив конфи-
гурацию неба.

— Я вижу, ба, ты вспомнила
нашу старую прогулку к зеркаль-
ному бобу, именно тогда я стал
задумываться над тем, что самое
главное в любом деле — это
технология. Потому что если ты
хочешь достать звезду, то должен
придумать технологию, как это
сделать.

Например, можно построить ра-
кету и полететь к звезде, а можно
взять зеркало и поймать звез-
ду в него, но играть с ней будет
трудно, а если зеркало заменить
на озеро, то со звездой можно
плавать и дружить. А вот для
того, чтобы ловить чужие меч-
ты и желания, зеркало подходит
лучше всего. Ты думаешь, все

рождественские елки украше-
ны зеркальными шарами толь-
ко для красоты? А вот и нет!
Елочные зеркальные игрушки
ловят желания, и Санта-Клаус,
прикоснувшись к любой из них,
знает все, о чем его просили
дети и взрослые. — Ромка излагал
свои мысли, абсолютно уверенный,
что бабушка все поймет и в любом
случае примет его сторону.

— Здорово! Но если техноло-
гия передачи рождественских
желаний Санте действительно
такова, абсолютно незачем
ехать к огромному зеркально-
му бобу в центр Чикаго, а надо
просто подойти к наряженной
елке и возле нее подумать о том,
что ты хочешь, или для надежно-
сти написать это, положить запис-
ку в носок и повесить на праздни-
чное дерево. Санта получит твое
сообщение и исполнит желание, —
развила бабушка Ромкину теорию,
удобно подоткнув подушку под
спину, понимая, что в сегодняшнее
субботнее утро столь важный для
ее внука разговор может оказать-
ся достаточно долгим.

— Я так тоже решил, башка, два
года тому назад, загадал у елки

два желания и сделал все, как ты сейчас сказала. Одно желание исполнилось, а другое — нет. И тогда я понял, что игрушечные шары могут передавать Санте только игрушечные желания, — стал очень быстро говорить мальчик, крутясь юлой в кресле.

— Подожди, подожди, не тараторь, что такое игрушечные желания? Сколько лет живу, а никогда про такие не слышала, объясни мне, — воскликнула совсем уже замороченная детскими фантазиями Софья.

— Ну, ты совсем как маленькая, бабушка, не знаешь таких простых вещей. Игрушечные желания — это желания иметь ту или иную игрушку, самокат, коньки, короче, все то, что можно купить за деньги. Но есть другие желания, которые за деньги не покупаются.

— Это какие же такие другие? — ошарашенно проговорила Софья, впервые ощутив, что еще вчера казавшийся совсем маленьким внук уже успел повзрослеть и начинает думать о новых, важных вещах.

— Как какие? Это такие большие желания или мечты. Например, я хочу, чтобы у каждого был друг. Понимаешь, ба, игрушечные шары не могут вместить мечты, но если пребольшущий очень-очень сильный десятиметровый боб способен заманивать мечты-облака нашей огромной планеты, то уж мою мечту он точно сможет поймать и передать Санте. Но делать это нужно сегодня, когда в самую длинную ночь сказка становится сильной-пресильной и живет долго, — закончил мальчик и посмотрел на бабушку огромными карими глазами с такой мольбой и надеждой, что на неблизкую поездку согласился бы даже человек с каменным сердцем.

Надев резиновые сапоги и длинные непродуваемые и непромокаемые куртки с капюшоном, Софья и Ромка, которые теперь напоминали охотников или сотрудников службы противохимической защиты, сели в машину и поехали в центр большого американского города Чикаго.

И вот уже машина с нашими героями ползет по скоростному шоссе, почти цепляясь своим бампером за красные размытые огни задних фар впереди идущего автомобиля. Сегодня, похоже, сказка обещала быть особо сильной, поскольку казалось, что солнышко принимало ледяной душ, омывая при этом небо и землю непроглядной лавиной мелко наколотого льда. В Чикаго, расположенном на берегу огромного озера Мичиган, стояла типичная для него рождественская погода — бушевал ледяной шторм. Сильнейший ветер выбивал мокрым градом души из редких прохожих, машин, домов, рождественских огней и уносил их в ненасытную прорву озера. Противные волны заливали набережные и парки города. Шапки снега и льда облепили крыши, фонари и деревья, расцвеченные и украшенные разноцветными гирляндами огней. Свет рождественских фонариков дробился на миллионы маленьких искр и радуг. Казалось, что каждому, кто въезжал в город, надевали волшебные очки, меняющие контуры, а может быть, и суть вещей.

Автомобили привычно притормаживали перед большими магазинами, где шли рождественские распродажи и где бородатый мистер Санта-Клаус вместе с симпатичной седовласой старушкой миссис Санта-Клаус выслушивали пожелания детей, вручали им подарки, фотографировались, смеялись, пели и танцевали вместе с ними. Но ни уникальные витрины знаменитого магазина Мэйсис, украшенные двигающимися, кажущимися практически живыми фигурками супергероев и сказочных персонажей, ни огромные уличные рождественские елки, ни цирковые балаганы не интересовали Ромку. Он умолял Софью поспешить к гигантской зеркальной капле, живущей в Миллениум-парке.

— Ты же знаешь, ба, что мне очень грустно, потому что у меня пока нет ни брата, ни сестры, и даже если у моих родителей кто-нибудь родится, то пройдет много лет, пока я смогу с ним играть и он станет моим другом. Но у меня есть много друзей в школе, на тхэквондо, в доме, где я живу. А вот в моем классе есть мальчик, его зовут Дэн, он все время один. Он родился без ступней ног и без кистей рук, поэтому не может играть, как мы. Доктор сделал ему замечательные протезы, и сейчас он двигается в школе без инвалидной коляски, но чувствует себя другим, не таким, как остальные дети. Недавно Дэн сказал, что у него есть мечта: он хочет, чтобы у него был настоящий друг, понимающий, что значит быть другим. Я посоветовал ему попросить Санту послать ему такого друга, но он сказал, что не верит в сказки и в Санта-Клауса, — старался мальчик объяснить своей бабушке, почему обязательно надо, несмотря ни на что, в эту жуткую погоду добраться до Миллениум-парка.

Софья вцепилась в руль и с трудом вела машину, не потому, что дворники не успевали чистить лобовое стекло, а потому, что она плакала горько и искренне, как плачут только в детстве.

«Хорошо, что Ромка сидит пристегнутый ремнем безопасности, на заднем сиденье, и не видит, как я реву», — думала Софья, слушая внука и вспоминая, как он в прошлом году нашел старый стеклянный шар, положил его стол и спросил:

— Послушай, башка, а это волшебный шар?

— Конечно, дорогой мой, этот шар волшебный, он исполняет желания, — ответила ему тогда Софья, искренне играя с мальчиком в волшебство.

— Я так и знал, — тут же согласился Ромка. — Бабушка, а шар

понимает по-русски или по-английски? А на каком языке он думает?

Софья слегка растерялась от такого вопроса, не зная, что ответить.

— Ну конечно, какой я глупый, бабушка, шар ведь не думает, а отражает, надо просто представить свое желание в голове так четко, чтобы шар увидел, что я хочу, — медленно и задумчиво произнес тогда мальчуган, как будто вспоминая то, что знал давным-давно, но забыл.

— А что ты хочешь, малыш? — спросила его Софья, положив руки на вздрагивающие плечи ребенка и успокаивая его.

— Я хочу лучше концентрировать свое внимание на уроках и контролировать свое поведение, когда мне хочется вот прямо сейчас что-нибудь сделать или сказать. Я не хочу так быстро считать и писать... Короче, ба, я хочу быть таким, как все, и не хочу быть другим. Поэтому каждый день я буду приходить к этому волшебному шару, садиться возле него и представлять, как я спокойно сижу на уроке, сложив руки на парте, и когда-нибудь шар исполнит мое желание, и я смогу просидеть так целый урок, — очень серьезно сказал Ромка, вскочил и побежал навстречу своей маме, вернувшейся с работы. А Софья еще долго тогда стояла с открытым ртом, пораженная тем, какую методику коррекции детской психики играючи предложил мальчик.

Припарковав машину в подземном гараже, женщина и мальчик вышли в непогоду. И тут как будто искреннее нетерпение внука раздвинуло ледяные тучи, засияло солнце, ветер стих, дождь перестал, и уже настоящая большая радуга нарисовалась над парком. Мальчик побежал к большому зеркальному бобу, заскочил туда, где его глянцевая поверхность образовывала пустое пространство,

простираясь над землей, словно арка моста. Он посмотрел на свое отражение и четко произнес:

— Ты такой же, как и я, мой брат зеркальный близнец, только ты живешь в ином мире. Я уйду, а ты останешься здесь и передашь Санте, что я очень прошу его послать каждому друга, даже если этот каждый не такой, как все.

Потом Ромка вынырнул из чрева зеркальной капли, обнял Софью и зашептал ей в лицо:

— Соня, ты самая лучшая бабушка в мире, я тебя так люблю, спасибо, родная!

Конечно, ради таких слов внука любая бабушка не то что поедет по обледенелому шоссе в непогоду, а перевернет полмира.

Наступило католическое Рождество, Санта-Клаус исполнил игрушечные пожелания детворы, проехав по звездному пути рождественских елок и сбросив под каждой разноцветные пакеты с подарками. Правда, Ромка каждый год получал подарки трижды. Первый раз, когда над его елкой Санта-Клаус пролетал двадцать пятого декабря вместе со своей женой миссис Санта-Клаус. После этого наступали зимние каникулы, и мальчик летел с бабушкой к теплому океану, где тоже была елка. Тридцать первого декабря, в новогоднюю ночь, туда приходил русский Санта, которого звали Дедом Морозом, и появлялся он с хорошей и веселой девчонкой, своей внучкой, Снегурочкой. А третий раз, седьмого января, на другое или православное Рождество, подарки приносил почтальон, и были они обычно от его прабабушки из далекой Белой страны, где все ходят в теплых шубах и сказка живет очень-очень долго. Ромку этот факт совсем не удивлял, поскольку с рождения он говорил на двух языках и точно знал, что одно и то же на разных языках называется по-разно-

му и что у всего бывает пара или близнец. Так, у Санта-Клауса есть близнец Дед Мороз, а у католического Рождества — Рождество православное. И еще мальчишка был уверен, что, разбросав игрушки, Санта начинал исполнять настоящие, большие детские мечты, и делал он это вместе с Дедом Морозом четырнадцать дней — от одного Рождества до другого. А поскольку в правильности своей технологии передачи желаний мальчишка был абсолютно уверен, он не сомневался, что в эти две недели зимних каникул стоит ждать результата от своего посещения зеркального боба.

Итак, подарки под елкой распакованы, а вещи для теплого океана, наоборот, собраны в чемоданы и погружены в автомобиль, на котором мама и повезла внука с бабушкой в аэропорт. Как известно, рождественские дни — это самое тяжелое время для путешественников, поскольку все куда-то едут, что-то везут, встречаются, обмениваются тоннами подарков и дают себе твердые обещания никогда больше не участвовать в этом вселенском сумасшествии. Многие летят в теплые края погреться на солнышке, или, наоборот, в снежные покатаются на лыжах, или еще бог весть куда, но не это главное, а важно, что перемещаются они целыми семьями, со стариками, детьми, собаками, кошками, белыми крысами и ужами, рассованными по карманам и не подлежащими никакому контролю и учету. Вот на таком бесконечно перегруженном рейсе и должны были лететь Ромка с Софьей в ласковую Флориду.

Посадка на самолет тянулась бесконечно: вначале загрузили

инвалидов и очень пожилых людей на специальных креслах, потом пошли остальные пассажиры с колясками для маленьких детей и собак. Не удивляйтесь, во Флориде можно встретить женщину, гуляющую с коляской, в которой сидит маленький симпатичный песик, не менее часто, чем с детской. Вязкий, абсолютно забытый рейс из-за медленной посадки уже задерживался на час. Духота стояла невообразимая, Ромка мужественно стоял в очереди со своим рюкзаком и даже не ныл, как вдруг резко повернулся и бросился к щуплому мальчишке в круглых очках, толкающему перед собой небольшую коляску.

— Дэн, Дэн, как я рад тебя видеть, ты тоже летишь во Флориду на каникулы? А кто это у тебя там, покажи! — радостно говорил мальчик, пытаясь увидеть, кто скрывается внутри конструкции на колесиках за сетчатым окошком.

— Здравствуй, Роман, я тоже рад тебе, мы летим с мамой и Фрэдди к моему доктору в Майами, — ответил Дэн как-то очень тихо. — Но прости, подошла наша очередь на посадку, я обязательно свяжусь с тобой по компу.

— Кто это? Это твой друг? — спросила Софья вернувшегося и немного растерянного внука.

— Это мой одноклассник, Дэн, он летит в Майами, и непонятно, кого это он вез в коляске, ведь у него нет младшего брата, — задумчиво рассуждал вслух Ромка.

Наконец посадка закончилась, кондиционер в салоне включился, дышать стало легче, и самолет начал выруливать на взлетную полосу. Вдруг над одним из пассажирских кресел загорелась лампочка

экстренного вызова, и стюардесса побежала в середину салона, а затем в кабину пилота, после чего командир корабля объявил по радио, что в связи с плохим самочувствием одного из пассажиров самолет возвращается к месту стоянки в аэропорту.

Как только самолет остановился, его дверь открылась и вошли двое, молодой человек и девушка, в голубой униформе с надписью «Срочная ветеринарная помощь». Глаза пассажиров округлились от удивления, и многие даже поднялись с мест, чтобы понять, что же на самом деле произошло. Ветеринары направились к мальчику и женщине, между которыми на среднем сиденье лежал в сумке трехмесячный щенок овчарки. Маленькое серое тельце животного с обрубами вместо лап непроизвольно сокращалось в судорогах, глаза его были закрыты, язык прикушен. Мальчик на соседнем кресле был очень бледен и сразу же поднялся, держась за спинку переднего кресла, чтобы к щенку был доступ.

— Понимаете, вы должны его спасти, я ждал и искал его всю свою жизнь, он мой друг, я нашел его, точно такого же, как и я. Понимаете, точно такого же, как и я, — тихо, но очень четко и твердо произнес мальчик. — Смотрите, — он поднял свои брюки, и все увидели, что вместо ступней у него протезы. — Я везу Фрэдди к моему доктору в Майами, он обещал сделать щенку такие же протезы, как и мне. Если мы сойдем с самолета, то Фрэдди не попадет завтра к доктору и останется калекой. Я очень прошу вас, помогите нам.

Продолжение следует.